

ЛИЧНОЕ ДЕЛО
Господина
МУРАО

Даша
Завьялова

Young Adult. Расследование ведет редактор

Даша Завьялова

Личное дело господина Мурао

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Завьялова Д.

Личное дело господина Мурао / Д. Завьялова — «Эксмо»,
2025 — (Young Adult. Расследование ведет редактор)

ISBN 978-5-04-230197-1

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЕДЕТ РЕДАКТОР! Социальный детектив в сеттинге Киото 20-го века. Арисима Эмилия, девушка с японскими, русскими и немецкими корнями, ищет свое место в обществе, где чужакам не очень-то доверяют. Работа редактором сводит ее с известным писателем Мурао Кэнъитиро: он поручает ей разыскать женщину, связанную с его собственным давним преступлением. Простая просьба оборачивается настоящим расследованием. Все — от случайных встреч до старых писем — вплетено в сюжет так, что со временем находит место в общей картине. Атмосфера 1950-х годов воссоздана с вниманием к деталям: городские пейзажи, модели автомобилей и бытовые мелочи соответствуют историческим реалиям. Героям встречаются лингвистические загадки, которые добавляют интриги. А тем, кто любит японскую литературу XX века, будет приятно обнаружить здесь ее характерные черты: многослойность, внимание к подтексту и скрытые смыслы, которые раскрываются только при внимательном прочтении. Захватывающая история для поклонников книг «Сороки-убийцы», «Джейн Остен расследует убийство», «Мой дедушка — частный детектив».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230197-1

© Завьялова Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Даша Завьялова

Личное дело господина Мурао

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Mooze art, NatalyaDDD, sandykot, Oleh Chap / Shutter-stock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Художественное оформление Анны Кроник

Иллюстрация на обложке мунташпена

© Завьялова Д., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Все описанные события являются художественным вымыслом. Исторические и национальные вопросы лишь служат декорациями для сюжета, и автор не ставит целью давать им точную оценку или выразить политическую позицию.

Глава первая

– Говорят, большую часть преступлений против женщин совершают их знакомые, – сказал господин Мурао. – Мне больно вспоминать, но однажды таким знакомым стал я сам. Эмико, я отдельно прошу вашего прощения. Моя история слишком некрасива, чтобы рассказывать ее девушке, но, видимо, придется.

Эмико – это я. Родилась я в Европе, и меня называли Эмилией, но перед войной, в тринадцатом году Сева¹, я переехала в Киото и стала зваться так, как привычнее местным. Впрочем, о себе я еще успею рассказать. Сейчас достаточно малого: в доме писателя Мурао Кэньитиро убили служанку, пожилую женщину, – и он попросил меня и моего друга Кадзуро о помощи в расследовании.

По каким причинам Мурао не полагался на полицию, нам только предстояло узнать, но начало разговора неприятно удивило меня. Неужели у такого скромного, обходительного человека есть подобные истории в прошлом?

– Ничего страшного, господин Мурао, – сказала я, решив не спешить с выводами. – Я ведь с детства дружу с Кадзуро, а значит, постоянно слушаю некрасивые истории. А еще порой глупые, жестокие и грязные – он так их любит.

Кадзуро засмеялся.

– Моя, к сожалению, именно из таких, – сказал Мурао и тут же прервался: к нашему столику подошла официантка.

Мы сидели в кафе на первом этаже рекана² в Накаге³ – почти напротив дома писателя. Он здесь, видимо, часто бывал. От меня не укрылось, какими улыбками они обменялись с девушкой: это было нечто большее, чем вежливость между гостем и персоналом. Официантка была молоденькая и хорошенькая, а сам Мурао... тут и говорить нечего: в его трогательно-печальный образ были влюблены десятки девушек. Внешностью он походил на Камэду Киндзи в фильме, что вышел в прошлом году⁴, только Мурао носил аккуратную бородку с усами, как было принято у европейцев.

Почему для этой беседы он выбрал меня, я пока не понимала. Наше знакомство было не очень-то близким. Я работала младшим редактором журнала «ДзEMON», где мы печатали исторические исследования, эссе и мемуары пожилых жителей префектуры. Года два назад господин Мурао публиковал у нас очерки об истории японского языка. Потом он перешел на любовные романы, но сохранил связи в редакции – и порой приходил повидаться с моим начальником, господином Иноуэ. В один такой визит Мурао заметил меня благодаря западной внешности. Ему было любопытно, застала ли я немецкую оккупацию, на каких языках говорю, как хорошо знаю японский и чем собираюсь заниматься в будущем. Оказывается, он, хотя и слушал вроде бы вполуха, все-таки запомнил меня. От этого просто сердце замирало: мне позавидовало бы немало девушек! А еще, как я надеялась, тесное знакомство с Мурао могло бы поднять меня в глазах начальника.

– Восемнадцать лет назад, в девятом году⁵, я совершил поступок, который нельзя оправдать. Вы уже догадываетесь, какого характера была обида, которую я нанес Наоко – так звали ту девушку. Но я тогда не считал себя преступником. Может быть, и она не считала. Вот как было дело: я в те годы уже опубликовал несколько рассказов в «Кумияма Симбун»...

¹ Здесь и далее для удобства даты приводятся по западному летосчислению: 1938 год.

² Рекан – традиционная японская гостиница.

³ Накаге – район в северной части Киото.

⁴ Имеется в виду фильм «Идиот» (1951), где роль Камэды (князя Мышкина) играет Мори Масаюки.

⁵ 1934 год.

Краем глаза я увидела, что Кадзуру записал название газеты в блокноте.

– ...и меня можно было назвать набирающим популярность, – продолжал Мурао. – Иногда, хотя и не очень часто, девушки сами приходили ко мне домой. Я считал это как бы естественным следствием известности. Наоко, как и другие, не была против близких отношений. Или мне тогда так казалось? Не знаю. В общем, все это могло бы остаться в прошлом как ужасное недопонимание, но в этой истории была и кровь.

После того, что случилось, Наоко молча встала и пошла в сторону ванной комнаты. Девушка набрала в ковш воду и стала обливаться... Мне было все видно, потому что ширмы уже отправились в новый дом – я должен был вот-вот переехать и вывез почти все, кроме предметов первой необходимости.

Так прошла минута-другая. Потом она обернулась, ища то ли полотенце, то ли свою одежду, и поскользнулась на каменном полу: деревянные маты, как и прочие вещи, уже увезли. Она замахала руками, быстро, как утопающая, потому что старалась сохранить равновесие, но все равно упала. Сейчас, после стольких лет, мне кажется, что она не издала ни звука.

Я быстро подошел и стал всматриваться в тело на полу – оно лежало без движения. Вода еще не ушла, и в луже расплывалась красная дымка. Не помню, сколько я так смотрел на нее, но за все это время у нее не дрогнула ни одна мышца. Может быть, если бы у меня был телефон, я позвал бы на помощь – а уж потом жалел об этом решении или радовался ему. Но за помощью нужно было идти, и я медлил. Я думал: а если она обвинит меня? И имею ли я право рассуждать об этом вместо того, чтобы помочь?

Стыдно говорить, но я сбежал. Быстро оделся и пошел куда глаза глядят. Я бродил под дождем, пока не оказался у храмового комплекса Рокуон⁶. Думал, что, если вернусь и найду ее в том же состоянии, выйду на улицу снова и найду врача. Если умрет – скажу полиции, что вышел подышать, а душ она стала принимать после моего ухода...

– Проще было бы переждать это время дома и притвориться, что она умерла сразу, – сказал Кадзуру. – Кто поверил бы, что вы оставили девушку, а сами ушли?

– Кровь, – догадалась я. – Ее было слишком много, чтобы списать на мгновенную смерть. Ведь у мертвых кровь не идет. Врач понял бы, что девушка умирала долго, а вы просто сидели и наблюдали – значит, вам нужно было уйти из дому...

Мурао кивнул:

– Кроме того, я уже потом сообразил, что меня мог видеть кто-то из знакомых. Значит, я сразу должен был сказать полицейским, что выходил подышать.

– А когда вы вернулись, девушка исчезла? – спросила я.

– Да. Как вы догадались?

– Если бы девушка умерла, дело закрыли бы как несчастный случай, и вряд ли сейчас мы вспомнили бы о нем в связи с убийством. Если бы вы все-таки вызвали помощь, когда вернулись, дело решилось бы миром – или, наоборот, вас судили бы, но такого не случилось. Значит, она ушла сама.

– Все верно. Вы умело идете от противного. Этот способ оставляет мало возможностей ошибиться.

– Вы запомнили мое эссе?

– Я выбрал вас благодаря ему.

В начале этого года открылся книжный клуб, где Мурао стал председателем и куда мы с Кадзуру немедленно записались. Несколько дней назад писатель предложил желающим набросать эссе о том, каким должен быть детектив. Мы даже обсуждали группой, почему вдруг он выбрал такой жанр, ведь сам он был автором любовных романов. Кадзуру предположил, что

⁶ Рокуон – храмовый комплекс на севере Киото.

книги для женщин легче писать и проще продавать, а настоящие интересы Мурао лежат в области детективов. Но, оказывается, эссе отсеивало негодных на роль его помощников.

– В вашей работе мне понравилось именно это рассуждение. А ваш товарищ, – он посмотрел на Кадзуро и слегка наклонил голову, – приятно поразил меня убеждением, что все люди скорее дурны, чем хороши, и при расследовании стоит исходить из этого. Правда, я искал только одного человека, которому мог бы довериться. Но кое-кто из группы сказал мне, что вы дружите, – и я уж больше не сомневался, что стоит попросить о помощи вас обоих.

– Спасибо за доверие, господин Мурао. Да, мы с Кадзуро вместе росли и неплохо думаем на двоих, – сказала я. – Пожалуйста, продолжайте. Что случилось потом?

– Я еще около часа метался по дому как безумный и проверял укромные места. Думал, что она доползла до какого-нибудь закутка и там умерла.

Я попыталась представить дом, в котором все случилось. Наверное, это была старинная кематия, такая, в какой я живу сейчас с тетей. Но там и закутков особенно нет – одни полупустые пространства, перегороденные ширмами. Вот ведь как Мурао испугался, выходит, раз весь вечер обходил дом!

– И все эти годы вы ничего не слышали о девушке. – Кадзуро делал записи в блокноте. – Ни до войны, ни... да, кстати, а где вы были во время войны?

– В Сингапуре. И еще в Индонезии⁷.

Я повернулась к Кадзуро и сделала большие глаза.

Месяц назад, на праздник Хиган⁸, мы все вместе – он с родителями и я с тетей Кеико – отправились на кладбище привести в порядок могилы родных, а потом сели немного поесть. Как это часто бывает, разговор зашел о войне. Хотя она закончилась семь лет назад, люди постарше реагировали на эту тему по-разному – и нас не раз предупреждали, чтобы мы не обсуждали ее вне дома.

Но Мурао сам уточнил:

– В самом конце войны, фактически по дороге домой, я познакомился на Хоккайдо с женщиной, у которой в Харбине погиб муж. Остался жить у нее, а в Киото бывал по делам – редкими наездами.

– Я просто хотел понять, почему нападение произошло через столько лет, – сказал Кадзуро. – Решил, что вы, должно быть, не жили в Киото.

– Так и есть: я вернулся сюда несколько месяцев назад.

Я спросила:

– Вы думаете, что та женщина выследила вас после возвращения в Киото, решила отомстить за давнюю обиду – и по какой-то причине начала с прислуги?

– Я уверен в этом, – ответил Мурао. – Поэтому мне нужна помощь даже не в расследовании, а прежде всего в том, чтобы узнать ее адрес. А уж с ним я пойду в полицию.

– Но почему не рассказать следователю про Наоко? Я уверена, ее адрес нашли бы в два счета.

– Я бы хотел, чтобы расследование прошло потише и побыстрее. Газетчики сейчас публикуют чуть ли не все, что известно следствию, – я слежу за криминальными колонками и, к несчастью, часто такое наблюдаю. Представьте, что я сообщу полиции, почему подозреваю Наоко, – пока ее будут искать, весь город будет обсуждать историю, которую я вам рассказал!

Какой-то резон в его словах был. В то время действительно пресса допускалась так близко к делу и публиковала так много, что нередко это мешало расследованию. Я подумала, однако, что стоит все-таки поразмыслить над доводами Мурао.

– А других врагов у вас нет? – спросил Кадзуро.

⁷ Во время Второй мировой войны Япония вела в этих регионах военные действия.

⁸ Хиган – буддийский праздник, в день которого посещают кладбища, приносят туда цветы и пищу, делают уборку.

– Мне кажется, я скорее нравлюсь людям. – Мурао с улыбкой посмотрел на меня. Я смутилась, а он продолжил, слегка наклонившись к нам через стол: – Кроме того, я все-таки уверен, что покушение связано с той историей. Ведь прислуга была убита ударом в висок, раздета и уложена на пол душевой.

На несколько секунд за столиком установилась тишина. До того, как господин Мурао озвучил эту деталь, я готова была сомневаться, что причины преступления кроются в его прошлом, но теперь...

– Да, с таким аргументом трудно спорить, – признала я. – Скажите, господин Мурао, что вы помните про эту девушку? Как мы сейчас могли бы ее найти?

Он задумался.

– Честно говоря, немного. Она из хорошей семьи. Жила тогда, кажется, где-то в северо-западной части города.

– Как ее фамилия?

– Одзава. Одзава Наоко.

– Мы живем около школы Сагано. Это тоже на северо-западе, – сказала я. – Попробуем узнать что-нибудь. Одзава – не самая распространенная фамилия; может быть, моя тетя или родители Кадзуру помнят что-то об этой семье.

– Хорошо. Только, если возможно, объясните им причину вашего интереса как можно деликатнее. – Господин Мурао приложил руку к груди. – Наверное, я не имею права просить о подобном, и все же. Просто представьте, какое раскаяние я чувствовал все эти годы и в каком положении я теперь из-за ошибки, которую сделал почти двадцать лет назад.

Кадзуру шумно выдохнул – он так делал, когда сдерживал смех. Я не знала, распознал ли писатель в этом звуке что-нибудь оскорбительное, но на всякий случай поспешила отвлечь его:

– И еще один вопрос. Скажите, вы расспрашивали соседей о том, не видел ли кто чего необычного около вашего дома?

– Конечно. Но я бы не сказал, что это помогло делу. В день убийства сосед заметил велосипед, прислоненный к моему забору. Он его запомнил, потому что велосипед был военный, черный – точно такой же, какой был у него самого. Вроде бы у него была немного погнута рама. Не знаю, имеет ли этот велосипед значение и может ли он принадлежать Наоко. Может быть, его на несколько минут прислонил к моему забору случайный человек, которому понадобилось зайти в лавку рядом. В любом случае, найти такой велосипед непросто.

– А нет ли у вас фотографии Наоко?

– К сожалению, нет. – Господин Мурао отставил чашку и немного подумал, затем жестом показал официантке, что нас нужно рассчитать. – Вот, кажется, и все, что я могу вам сообщить. Но займу у вас еще одну минуту. Вы ведь понимаете, я не могу просить о помощи безвозмездно – и не собираюсь этого делать. Я мог бы предложить просто оплатить ее, но деньги, думаю, не так интересны, как профессиональные возможности – хотя, если есть желание...

Он посмотрел на меня. Я покачала головой. Брать деньги я бы не стала в любом случае, но вот рекомендация настоящего писателя мне наверняка пригодилась бы.

В редакции у меня были не самые интересные задачи. По большей части я просто разбирала рукописи, а те, что проходили первичный отбор, перепечатывала на машинке, чтобы старшим редакторам было удобнее их читать. Между этими занятиями я делала кофе, договаривалась о встречах и выполняла личные поручения господина Иноуэ, моего начальника. Из-за происхождения мне было непросто устроиться даже на такую должность, но работать всю жизнь секретарем мне тоже не хотелось. А было бы хорошо стать настоящим редактором: решать, что и когда публиковать, открывать новые направления в журнале и даже когда-нибудь основать собственный...

– В общем, я мог бы оказать ответную услугу вам обоим. Вы, Кадзуру, насколько знаю, трудитесь фотографом – а хорошим изданиям всегда нужны снимки. Ну а с вами мы тем более

договоримся... Простите, – сказал Мурао, посмотрев на меня. – Я всего лишь имел в виду, что мы оба работаем с текстами и могли бы помочь друг другу.

Кадзуро вдруг торопливо засобирався:

– Я вижу, что мы договорились, – и в таком случае покину вас. Мне нужно отойти по делам. Вы, господин Мурао, проводите Эмико до дома?

Это было неожиданно – и я успела подумать, что писатель откажется, сославшись на недостаток времени, или, что еще хуже, согласится, всем своим видом показывая, что делает это исключительно по просьбе. Но он закивал, даже не дав Кадзуро договорить:

– Конечно. Тем более что я хотел расспросить Эмико кое о чем. Вы говорили, что попросите тетюшку узнать что-нибудь про ту женщину. А она давно здесь живет?

Я встала из-за стола и едва успела помахать Кадзуро, который почти выбежал из рекана.

– В Киото? Всю жизнь. – Я поймала на себе вопросительный взгляд писателя. Конечно, ему было интересно, почему я со своей европейской внешностью имею тетку-японку, которая с рождения живет в старой столице.

Мы вышли на улицу.

– Тетя Кеико на самом деле приходится мне двоюродной бабушкой. А во мне только четверть японской крови. В остальном я... нет, лучше расскажу по порядку.

В седьмом году Мэйдзи⁹ у моего прадеда Арисимы Сэдэо, владельца небольшого бумажного производства, родился сын Кеиити, а еще через два года – дочь Кеико. Дела шли хорошо; скоро на фабрике стали выпускать веера и кусудамы¹⁰. В Российской империи такие вещишки находили занятыми, и в двадцать четвертом году¹¹ прадед отправился туда для заключения торговых договоров. С собой он взял сына. Сэдэо планировал передать ему фабрику через несколько лет, поэтому старательно обучал Кеиити делу и даже настоял, чтобы тот хоть немного научился говорить по-английски и по-русски: для торговли это было время планов и надежд. В этой поездке Кеиити встретил пятнадцатилетнюю дочь одного из торговых партнеров отца – и они, как вы догадываетесь, полюбили друг друга.

– Как к этому отнесся господин Арисима? И отец девушки? – спросил Мурао.

– Точно не знаю, но со слов тети могу предположить, что обе семьи находили в этом и плохое, и хорошее. В любом случае, они договорились так: если молодые люди в течение трех лет не передумают связать свои судьбы, то так тому и быть. И они не передумали. Все это время они переписывались, а Кеиити еще дважды приезжал в Санкт-Петербург по торговым делам. Через три года девушка вместе с отцом прибыла к японским берегам. Это было непростое решение: здесь уже шла война с Китаем, отношения с Российской империей тоже накалялись. Невеста Кеиити прожила здесь еще два года, изучая язык и культуру страны, где ей предстояло остаться. Ее отец тем временем воспользовался ситуацией: наладил ввоз в Японию российских масел и хорошо заработал на этом. Через два года после заключения брака появился мой отец Арисима Рен, потом еще две девочки – их имен я не знаю. А в тридцать седьмом¹² началась русско-японская война.

Им всем пришлось принять тяжелые решения. Мой прадед, тот, который был торговцем, забрал дочь с внуками и уехал в Российскую империю – так ему показалось безопаснее. Кеиити остался: как японский подданный, он должен был воевать за свою страну. На этой войне он и погиб. Но бабушка говорила, что все были готовы к такому исходу. Замуж она больше не

⁹ 1874 год.

¹⁰ Кусудاما – объемное декоративное изделие из нескольких листов бумаги. Техника создания напоминает технику оригами, но кусудаму допускается склеивать или даже сшивать для прочности. Раньше у них была практическая цель: в них хранили сухие благовония и лепестки.

¹¹ 1891 год.

¹² 1904 год.

вышла, жила в Санкт-Петербурге, растила детей одна. Тетя Кеико на войне потеряла не только брата Кеити, но и мужа. От него у тети остался сын Изаму.

В девятнадцать лет мой отец уехал из Петрограда в Прагу. Там из Рена он превратился в Райнера. Связь с бабушкой и сестрами, которые отказались покинуть Советский Союз, прервалась, и сейчас я ничего не знаю об их судьбе. Чуть позже отец вместе с товарищем основал небольшую газету для эмигрантов. Там же, в эмигрантской среде, он встретил мою мать – наполовину немку, наполовину русскую, – и в пятом году Сева¹³ родилась я. За полгода до моего рождения умерла чешская певица Эмилия Киттлова, с которой были знакомы мои родители, – я получила имя в ее честь.

Потом, как вы знаете, в Европе настало непростое время. Когда мне было восемь, мы с родителями и несколькими товарищами отца отправились в Маньчжурию и прожили там где-то полмесяца. После этого все они должны были отбыть в Харбин, а за мной приехал сын тети Кеико. Отец попросил его позаботиться обо мне: ему почему-то казалось, что в Японии будет безопасно. Теперь, конечно, об этом смешно думать.

– Ваш отец был в отряде «Асано»¹⁴?

– Этого я не знаю. По крайней мере, туда вроде бы попали его товарищи, которые приехали в Харбин вместе с нами. Несколько лет назад я разыскала остатки пражской редакции моего отца и из переписки с ними узнала о смерти родителей. Мне точно известно, что они приехали работать в типографию при Бюро по делам российских эмигрантов, а дальше... Дальше история темная: то ли отец почему-то принял участие в боевых действиях, хотя и не собирался, и погиб в бою при Халхин-Голе, то ли его застрелил какой-то советский разведчик в Харбине. Мне писали разное. А мать убили в то же время – прямо дома.

– Соболезную.

– Ничего. Это было давно, и, стыдно признаться, я их не очень-то помню. В Праге они вели светскую жизнь – то их вообще не бывало дома, то они терялись среди многочисленных гостей, русских эмигрантов. Я так мало общалась с родителями, что первые мои слова были на идише: моя гувернантка, еврейка, не говорила на чистом немецком. На самом деле я боюсь открыто рассказывать обо всем этом, понимаете? Слишком много всего во мне намешано. Не время сейчас быть... мной.

Те две недели в Маньчжурии я помню не очень хорошо – только ту ночь, когда за мной приехал дядя. Отец разбудил меня и попросил собраться как можно тише, чтобы не проснулась мать. Наверное, не хотел лишних слез, хотя разразился такой ливень, что нельзя было и переговариваться шепотом, а сборов-то подавно не было слышно. Потом мы ехали через весь Харбин до железнодорожной станции, где отец передал меня дяде – и больше уж я никогда не видела родителей.

Мы подходили к нашему с тетей дому, и я замедлила шаг у калитки.

– Через трое суток, поздней ночью, мы прибыли в Редзюн¹⁵ – и там я впервые увидела море. Черное. Тревожное. Звонящее корабельными цепями.

– И вот вы здесь, – закончил за меня Мурао.

– Да, и вот я здесь. Теперь вы понимаете, почему я стараюсь как можно меньше бросаться в глаза, ношу традиционное платье и представляюсь Эмико, а не Эмилией. Я считаю, мне очень повезло, что меня взяли на работу в такое место, где, казалось бы, должны работать люди, для которых японская история и японский язык – родные.

Мурао согласился:

¹³ 1930 год.

¹⁴ Отряд «Асано» – вооруженное формирование из числа белоэмигрантов в Маньчжурии, которое основали японцы.

¹⁵ Редзюн – так при японской власти назывался город Порт-Артур.

– Десять лет назад это было бы невозможно. Но сейчас такие сотрудники, как вы, показывают господам из Соединенных Штатов, что национализм побежден.

– Вы хотите сказать, что после снятия оккупации меня уволят?

Раньше я не думала об этом, и такая мысль меня встревожила. А ведь Мурао прав: может быть, есть какие-то негласные правила, по которым каждое предприятие обязано принять на работу сколько-то гайкокудзинов¹⁶? Тетю в городе знали и уважали, а про меня говорили, что я «дочь ее племянника от какой-то немки». О том, что у обоих моих родителей была русская кровь, никто не знал. Но если узнают? Чем это обернется для меня после того, как отсюда уйдут люди с Запада?

– Нет-нет, я не это имел в виду. Не волнуйтесь, Эмико. Если будут какие-то проблемы, мы с вами что-нибудь придумаем. – Господин Мурао улыбнулся и едва заметно поклонился. – На этом попрощаюсь с вами: мне нужно идти.

– До свидания, господин Мурао. Спасибо, что проводили.

Мне не понравились слова о том, что мы что-то придумаем: получается, теперь между нами возникли какие-то договоренности на неясных условиях. Я стояла у калитки, глядя, как писатель удаляется, готовая немедленно скрыться, если он обернется.

Но он не обернулся.

¹⁶ Гайкокудзин – иностранец или человек японского происхождения, рожденный и воспитанный за границей. Пренебрежительное «гайдзин» встречается чаще, но Эмилия не употребляет его.

Глава вторая

Бесшумно открылась дверь дома, и во двор вышла тетя Кеико.

– Кто это тебя провожал?

– Это господин Мурао, писатель. Ты, кажется, не читала его книг, но наверняка слышала.

Он автор «Секретов бамбуковой рощи» и «Писем из Киото». Ведет у нас книжный клуб.

– Да, что-то припоминаю.

Я не особенно боялась, что тетя начнет выговаривать мне за компанию малознакомого мужчины. Во-первых, это все-таки был уважаемый человек, местная знаменитость. Во-вторых, молодость тети Кеико пришлась на эпоху Тайсе, когда девушки вели себя даже смелее, чем сейчас, – и в свои семьдесят два она сохранила свободные взгляды на отношения. А в-третьих, и это главное, она помнила: в раннем детстве я воспитывалась в Европе, среди других нравов, и с этим было уже ничего не поделать.

Но тете, видимо, все-таки было любопытно, отчего это писатель мной заинтересовался, и она спросила:

– А почему он тебя провожал? Ты ведь ушла с Кадзуро, а он прибежал один. Минут десять назад.

– Разве он уже дома?

Тетя сделала несколько шагов в сторону, чтобы кисти глицинии не загораживали ей вид на двор семейства Накадзима, заглянула за забор и кивнула:

– Да, вон он – возится с велосипедом.

– Мы встречались втроем, обсуждали одну историю. Я тебе потом расскажу, хорошо? Мне надо поговорить с Кадзуро.

Тетя улыбнулась и подняла руку, показывая, что немедленно удаляется. Я подошла к заборчику.

– Кадзуро! Я здесь.

Он обернулся и встал.

– Разве ты не хотел куда-то пойти?

Кадзуро закусил травинку, облокотился на забор и посмотрел мне в глаза.

– Нет, и не собирался. Просто решил дать тебе возможность пообщаться с Мурао наедине.

– Не придумывай ничего, пожалуйста. Я ему наверняка не интересна в этом смысле, да и не очень это все прилично. Особенно после того, что мы от него услышали.

Кадзуро заулыбался.

Пожалуй, теперь стоило бы рассказать немного и о нем. Посмотрев на него непредвзято, стоило признать, что он был несимпатичным, болезненно худым, невысоким пареньком с неровными зубами и длинными, тонкими пальцами. На левой кисти средний и безымянный слегка загибались внутрь. А еще Кадзуро плохо видел и носил большие круглые очки. Если в детстве над ним и не смеялись, то, пожалуй, только благодаря тому, что его отец был влиятельным человеком. Накадзима Гандзиро до конца войны занимал высокий пост в дзайбацу¹⁷ Мицуи: в филиале Киото он отвечал за работу с поставщиками. И, самое важное, он был главой соседской общины, то есть мог сделать так, что человека лишили бы продуктовых карточек или даже арестовали. Надо ли говорить, что с ним и его семьей обращались крайне почтительно?

¹⁷ Дзайбацу – крупнейшие промышленные объединения, которые встретили Вторую мировую войну с большим или меньшим воодушевлением. В самом начале некоторые из них не успели перебросить промышленность на военные рельсы, поэтому какое-то время медлили с поддержкой боевых действий, но в конечном счете все рассчитывали получить выгоду.

Но, хотя дети и побаивались насмеяться над сыном господина Накадзимы, никакая сила не могла заставить их дружить с ним. Кадзуро уже в детстве отличался от других не только внешностью, но и характером: он был неуживчивым, конфликтным, острым на язык и в какой-то степени жестоким ребенком. Когда я впервые после переезда оказалась на улице, Кадзуро забавы ради запустил в меня камнем – и немедленно получил сдачи. В отличие от других детей, я не знала, что этого мальчика нельзя обижать. Впрочем, ничего страшного не случилось: госпожа Ханакко, его мать, все видела, и досталось тогда именно ему. После этого мы и подружились – он, некрасивый и грубый, и я, чужая здесь, почти не говорящая по-японски. А во время войны, когда других детей отправляли на заводы прямо со школьных скамей, нам наняли домашнего учителя. Господину Накадзиме укрывательство сына, конечно, сошло с рук, а уж на меня эта милость распространилась как на единственного друга Кадзуро.

Правда, вынужденная дружба со временем переросла в искреннюю симпатию, прежде всего потому, что наши интересы были схожи. Оба мы любили тайны, головоломки, криминальные истории и набирающий силу детективный жанр.

– И это мне-то говорят, – Кадзуро поднял палец, – что я психически нездоров. А вот госпожа Арисима, услышав об ужасном преступлении против такой же юной девушки, как она сама, уже нашла оправдание мужчине, который его совершил. Ты ведь думаешь, что он же раскаивается, правда?

От Кадзуро ничего не скроешь.

– Да. Но, согласишься, тогда, в молодости, он мог смотреть на эту ситуацию иначе. После этого он прожил целую жизнь, прошел войну, долгие отношения...

– Мы не знаем, как он вел себя на войне. Там, знаешь ли, люди делают ужасные вещи, и не все они героические. И мы не знаем ничего про те отношения. Ты ведь имеешь в виду ту женщину с Хоккайдо, которую он упомянул, правда? Может быть, он делал с ней то же самое каждый день. Может быть...

Я перебила его:

– Прекрати, пожалуйста, я поняла. Лучше скажи, что ты думаешь о нашем разговоре.

– Думаю, что он врет.

– Насчет чего?

– Как минимум насчет того, что это было какое-то не совсем настоящее преступление, а вроде бы как недопонимание – и даже почти согласие с ее стороны. Тебе не кажется, что любой на его месте начал бы так говорить? А может, врет и насчет того, как эта девица головой ударилась. Ведь теперь этого не проверишь... – Кадзуро помолчал и добавил: – И еще, как мне кажется, он сам не очень-то заинтересован в этом расследовании. Хочет, чтобы ты все за него сделала.

– Я?

– Ты. Тебе он нравится, и ты будешь тащить это расследование, как локомотив. Ну а я, – Кадзуро приложил указательный палец ко лбу, – я умный, и буду тебе во всем помогать, потому что всякие загадки мне и правда любопытны. А ты, по его расчету, не будешь давать мне лениться.

– Ты, Кадзуро, и правда очень умен. А еще ленив и груб.

– Спасибо! И раз ты признаешь меня таким умным, – сказал Кадзуро, – я тебе предложу подумать над другими мотивами убийства.

– Что ты! Разве могут быть такие совпадения? Ведь та женщина была раздета и уложена на пол душевой так же, как тогда лежала Наоко.

– У страха глаза велики, а еще с тех пор прошло восемнадцать лет. Может, и служанка его не совсем раздета была, и не совсем так лежала, а ему от страха показалось, что все это связано.

Он выплюнул травинку и стал ходить туда-сюда вдоль забора, рассуждая вслух:

– Скажем, старуха мыла душевую. В юката¹⁸ ей было жарко и неудобно, и она, пользуясь тем, что никого нет, сняла ее на время уборки. А в это время в дом проник вор, столкнулся с ней и убил как свидетеля. Вот и получилось, что женщина была раздета и лежала в душевой. И эта Наоко вообще ни при чем. Может, ее самой уже в живых давно нет, или она давно забыла про этот случай.

– Мурао понял бы, если бы из дома что-то пропало.

Кадзуру пожал плечами:

– Вор мог ничего не взять, потому что испугался. Или мог забрать что-то, пропажу чего Мурао все-таки не заметил. Например, нашел только небольшую часть денег, а с ценностями не стал связываться, потому что их не всегда просто продать.

Я задумалась.

– Воры редко бывают убийцами, не их это ремесло. Но твоя версия хороша какой-то обыденностью. В детективном романе обязательно бывает какая-то закрученная история, а в жизни все скучнее.

– Я не настаиваю, – сказал Кадзуру. – И даже понимаю, почему моя версия тебе не нравится.

– Почему же?

– Она выставляет Мурао дураком, который испугался ерунды – и от страха вывалил перед нами такую грязную историю.

Хотелось бы мне поспорить с другом, но, увы, он был прав.

– К тому же, пока я шел домой, успел переговорить с Хидэо. Встретил его случайно. Он мне посоветовал расследовать дело так, как будто никакой Наоко вообще нет, потому что очень уж ее присутствие ограничивает наше воображение.

– Хидэо?

– Да ты его как-то видела. Это мой приятель, который работает в «Эрике».

«Эрикой» назывался бар на окраине Киото. Действительно, как-то давно Кадзуру мимоходом знакомил меня с молодым человеком, который трудился там за стойкой – наливал напитки и выставлял за дверь буйных от хмеля гостей. Сам бар пользовался такой репутацией, что приличной девушке там нечего было делать, поэтому я никогда там не бывала – но вот юдзе¹⁹ охотно собирались там в поисках клиентов. Кадзуру иногда подрабатывал съемкой откровенных фотографий этих девушек – и, как я понимаю, иногда пользовался их услугами.

Хидэо был на несколько лет старше нас с Кадзуру и показался мне при той короткой встрече человеком приятным и здравомыслящим. Но вот стоило ли вовлекать его в это расследование, тем более что дело такое деликатное и, главное, чужое?

– По-моему, ты нехорошо сделал, что рассказал об этом кому-то постороннему без согласия господина Мурао.

– Ничего. – Кадзуру прицелился и прихлопнул жучка, усевшегося на его руку. – В-первых, имен я Хидэо все-таки не назвал, во-вторых, полезно иметь еще одну голову. Тем более если эта самая голова не встречается с участниками событий. А ты подумай еще над тем, почему это расследование непременно должно быть таким тайным.

– Но огласка...

– Нет, здесь есть что-то еще – помяни мое слово.

Вечером я никак не могла заснуть. И сам разговор, и слова Кадзуру оставляли ощущение, что Мурао действительно что-то недоговаривает – и это могло бы помешать в расследовании. А может быть, и представлять для меня опасность – какую, я пока не понимала, и от этого было страшно.

¹⁸ Юката – повседневный вариант кимоно из простой ткани.

¹⁹ Юдзе – женщина, оказывающая интимные услуги.

Пролежав несколько часов без сна, я тихо встала и начала греть воду.

– Не спится? – спросила тетя Кеико из-за ширмы. По ее бодрому голосу я поняла, что и она еще не засыпала.

– Нет. Хочешь чаю?

– Хочу.

Она села со мной за столик.

– А я ведь забыла рассказать тебе, о чем мы говорили с Кадзуро и господином Мурао.

– Если не хочешь, не рассказывай.

– Нет-нет, как раз хочу! – сказала я. – И даже спросить кое о чем... Видишь ли, несколько дней назад у господина Мурао произошло нечто ужасное: женщину, которая убирала его дом, убили прямо в ванной. И он думает, что это может быть связано с девушкой, с которой он когда-то давно, еще до войны, был знаком. Она жила где-то в нашем районе, и я подумала, что ты можешь что-то знать о ней. Ее звали Одзава Наоко.

Тетя положила подбородок на сцепленные руки.

– Бедная женщина! Как ты говоришь – Одзава? Одзава... Конечно, я не первый раз в жизни встречаю эту фамилию, но никак не могу вспомнить, кто из моих знакомых ее носил. А почему господин Мурао думает, что эта Наоко связана с убийством? Она могла ревновать к той женщине?

Я попробовала чай, подула на него и снова попробовала, чтобы выиграть немного времени и подумать. Рассказывать подробности я не хотела: мне вдруг стало стыдно, что я вообще обсуждала с мужчиной такого рода преступление – тем более то, которое совершил он сам. Скорее всего, тетя разволнуется и расстроится, что я позволила кому-то вести со мной подобные разговоры. И, наверное, она будет права. Не слишком ли я упала сегодня в глазах Мурао?

Наконец я придумала, как обойти эту тему:

– Нет, та женщина была совсем пожилая. Да и неизвестно точно, действительно ли есть связь. Вот Кадзуро, например, думает, что господин Мурао ошибается, и это было просто ограбление, а служанка случайно увидела вора.

– Я подумаю, кого можно спросить про семью Одзава, – сказала тетя. – И, конечно, я рада, что у тебя появился такой влиятельный друг, но я беспокоюсь за тебя. Пообещай, что не будешь лично приближаться ни к каким подозрительным людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.